

ЦЫГАНОЧКА С ВЫХОДОМ

Глава 1.

О СОБАКЕ

Вы можете смеяться, не верить или закрыть этот роман, едва сунув в него нос, но автором его является лабрадор, живущий на третьем этаже со своим Слепым Поводырем. Именно так.

Слепой обычно идет первым, а лабрадор плетется сзади, нехотя дергая шеей, когда Слепой Поводырь уже зависает с поднятой ногой над какой-нибудь большой ямой, вырытой специально для всяких слепых, чтобы они падали в нее и не мешались под ногами. Еще лабрадор обычно поскуливает и тащит назад, когда Слепой Поводырь тянет его прямо под несущийся на критических скоростях груженный кирпичами КАМАЗ, тоже одного из жителей этого дома — Винникова...

Лабрадор никогда не написал бы никакого романа... Он просто жил неподалеку от всех действующих в нем персонажей, а что не видел, он придумал долгими зимними вечерами и летними тоже. Но его хозяину дочка привезла старый ноутбук, чтобы папа не скучал. Хотя папе компьютер был не более нужен, чем бестолковый и упрямый пес, которого он таскал за собой по всем улицам и в магазин и в сберкассах.

Ноутбук мерцал в углу и лабрадор, быстро освоив ходы игры на нем, сперва попробовал записать собственный стих и, записав, на целый день впал в эйфорию и вдруг замахнулся лапой написать роман. Да, так и было.

И звали пса — Нэля, хотя имя это не мужское, но особо выбирать не приходится.

(Вообще-то, полное имя его звучало — Нельсон Батиас Крузенштерн и был он самых обыкновенных лабрадорских кровей субъект).

ВМЕСТО ПОЛКИ

Город Полежаевск всплывет в этой истории лишь на ...-дцатой странице, но я чуть-чуть расскажу про него сейчас.

Мне кажется, так будет понятнее вся дальнейшая канитель, которая развернется на страницах этого романа, и мы с вами узнаем кое-что о людях такое, о чем предпочитаем даже не думать, забившись после работы на диван и укрывшись чистым половичком, на котором когда-то спала ваша любимая кошка.

Ну, не буду вас томить, начинаю...

ГОРОД ПОД МОСКВОЙ

На Архангельской улице по вечерам в глубокой темноте среди черных деревьев краснели гранатовые ядрышки окон в трех «сталинских» домах.

После взрывов в Москве по ночам в квартале старых элитных домов стали включать прожектора, высвечивая все подступы к подъездам, ближние деревья и начала улиц.

В Полежаевске и соседнем Угряжске постреливали с приходом 90-х годов, когда деньги в карманах одних не давали спать другим, более молодым, но без денег. Постреливали по ночам, даже убивали, но пореже, чем в Москве.

А наутро, при свете... это сонное утрешнее состояние старого дома. Покой в границах второго подъезда...

В Полежаевске всего три «сталинских» дома, а в соседнем Угряжске нет ни одного. В двух крайних «сталинках» живут в основном медики и начальство Космической Лаборатории, а в нашей — бывшая номенклатура, но есть и простые семьи.

Раньше было положено, а может, просто умудрялись по недомыслию разбавлять элитных жильцов жильцами пожиже: многодетной семьей, парочкой стахановцев и каким-нибудь орденосным шахтером, который в шахту лазил только чтобы поставить очередной рекорд и сфотографироваться со своим отбойным молотком где-нибудь в углу забоя, а в остальные дни исправно заседал на конференциях и спал в разных президиумах.

Сейчас-то, когда три «сталинки» обветшали и новые хозяева жизни построили себе две монолитные башни рядом с парковой зоной, бывшая помпезность постепенно уходила из широких подъездов, даже лампочки на некоторых этажах забывали менять неделями, но все равно дома еще сохранили ауру прежнего богатства. Широкие желтые ступени, деревянные поручни лестниц, почти целые стекла в подъездах, иногда наличие консьержки с голубыми локонами, цветы внизу на подоконниках.

И еще — пахнет стариками, мало детей, и частенько можно увидеть катафалк и элегантную гробовую крышку, скромно ждущую своего хозяина, перед встречей с вечностью, а проще говоря, с землей.

СОСЕДИ

Лабрадор задумался, повертел хвостом, взвыл и начал стучать двумя лапами по клавиатуре, одна лапа — одна буква, две лапы — две буквы и т.д.

Хочешь или не хочешь, но всю жизнь нас окружают соседи — взглядами равнодушными, безразличными, злыми, иногда — спокойными.

Мы постоянно живем на виду, когда идем к дому, заходим в парадное и, трясаясь от страха, если темно, бредем к лестнице. Затем, вглядываясь в бесконечные углы, с нервной дрожью ждем лифта, радостно выдыхая, когда лифт открывает свою совершенно пустую желтую внутренность, и в нем не стоит маньяк с окровавленным ножиком и не спит наркоман со шприцом в дырявой вене.

Соседи за все те годы, что наблюдают за вашей ничтожной на их взгляд жизнью, так много знают о вас, что без труда могут написать «Сагу о Форсайтах», посвященную исключительно вашей бесполезной и глупейшей борьбе за место под солнцем. Им просто, по занятости, не приходит это в голову. Улыбайтесь, но я — не шучу.

Любой порядок у меня вызывает зевоту, что он вызывает у вас — меня вообще не наводит ни на какие размышления. Мне последние четыре года только бы с собой разобраться!

Лабрадор вздохнул, полежал у батареи и продолжил:

Поэтому про соседей второго подъезда я буду рассказывать не по часовой стрелке и далее до восьмого этажа, а просто сяду на землю в садике у дверей и как увижу кого, так и расскажу — все, что знаю.

Лабрадор выключил ноутбук и кинулся на улицу. Там было так хорошо — грело солнышко, пахло барбарисом, пели птички, и никого вокруг не было. Лабрадор, улегшись на травке, задремал, но был разбужен...

Маменькин сынок в подвернутых джинсах, клетчатом пиджаке и с мелодрамой в пятидесятилетних глазах, со скоростью зайца пробежал мимо, из сумки торчал хвост трески и французский батон, он покосился на балкон, с которого свисали руки его мамы, и забыл со мной поздороваться.

Я не знаю канадского, уругвайского и гренландского языков, но, глядя на эту старушеницу, которая шпынует своего седого сына почем зря, мне не раз хотелось подложить ей банановой кожуры под каблук. И сказать ей по-канадски, а лучше по-гренландски:

— Ар-риведерчи, ведьма!

— Нэлинька!

— Аф! — хрипло ответил я.

— Нэлинька! — снова позвала меня «ведьма». — Ты моего грязнулю не видел?

— Не-а, — начал я врать, на ходу придумывая по десять пакостных ответов в секунду.

— Если увидишь, скажи ему, — «ведьма» задумалась, — скажи... что я его придушу, вот только он треску принесет! — поклацала зубами старушка.

— Вам помочь? — не сразу нашелся я.

— Справлюсь, — благодушно упали сверху слова, а я решил пока закончить рассказ про семью Проточных, второй этаж, кв. № 37.

* * *

Этот Винников — шофер и гонщик с первого этажа, который ни черта не видел, так как был пьян буквально с утра и надевал вдобавок черные очки, когда садился за руль своего оранжевого КАМАЗа. Как ему удавалось не сбить полгорода за двадцать лет шоферской практики?

К чему эти банальные вопросы?

— Шоферуга. Ас, — гордо поглядывала на соседей его жена Тамара, влезала по-быстрому в кабину (пока муж не уехал без нее), чтобы с ветерком домчаться до рынка, а не ехать две остановки на трамвае, как некоторые.

Квартира 33, окна во двор.

Лабрадор встал, посмотрел по сторонам, хотел было проучить одного кота со скаредной мордой, но едва увернулся от КАМАЗа, который пролетел мимо и со скрежетом остановился, чуть не превратив цветущего и умнейшего представителя псовых в угощение для мух.

Лабрадор с мучительной ненавистью посмотрел на тощего Винникова, как тот, качаясь, спрыгнул в ливневый сток и, держась за колесо, выругался. Потом поправил черные очки, вытер рукавом пот со лба и потрусил к подъезду, норовя поддать лабрадора ногой.

Пес неторопливо отошел и выдохнул:

— Люди-и-и...

И мысли его переместились куда-то в сторону. Он взглянул на подъезд и еще раз вздохнул.

Второй подъезд...

Какой-то шутник цифру 2 на жестянке перечеркнул гвоздем, и стало не 2, а Z... Шутник.

Подъезд Z.

Глаза у пса затуманились, и он медленно поглядел по сторонам...

РЕМАРКА

Дома с историей и прочие загнивающие дома, отличаются от новостроек наличием всевозможной допотопной рухляди и, что радует глаз — старыми автомобилями.

Дом на Архангельской также был примечателен и даже где-то знаменит тем, что многие порядком замшелые хозяева и их продвинутые внуки все еще ездили на довоенных «Паккардах», «Хорьхах», «Даймлерах» и «Бьюиках». А уж сколько «Волг» и «Побед», тех самых — с тупыми наивными «мордами», и кругленькими фарами, их было не считано — 10 или 9... на весь дом. И пара ЗИМов даже чуть терялись в этом параде черных, сиреневых и цвета слоновой кости вычурно-шикарных ретромобилей.

ЦАРСТВЕННАЯ ВДОВА

К дому со стороны автобусной остановки шла хрупкая и очень миловидная особа с такими нарисованными природой глазами, что пес на некоторое время зажмурился, потом отмахнулся головой, но видение не пропало, оно шло мимо и задев пса длинным прозрачным платьем прямо по морде, простукало шпильками по пыльным ступенькам и вошло в подъезд.

Пес отчего-то пожалел, что он — пес, а не представитель человеческой мужской расы и на сердце у него лег килограммовый камешек, который обычно ложится на сердце, когда видишь то, что никогда не будет твоим.

На четвертом этаже жила молодая вдова Альбина Яроцкая, кв. 48, окна во двор.

«Мужчины существуют для того, чтобы за них выходить замуж» — как-то сказала Альбина. А через день ее мужа застрелили.

Она занимает большую квартиру, и в ее окна глядит клен. Она вдова магната Яроцкого, и поселилась здесь после смерти мужа в прошлом году.

Альбинаааа... Худенькая, перекрученная обтягивающей одеждой с вот такой! — талией и вот такими! — глазами. Она — не русская, говорящая на прекрасном русском языке с мааасковским «ааа». Полусемибка-полуузбечка?

Ее мужа застрелили на лестнице дома на Кутузовском проспекте в прошлом декабре.

Она несет себя, она не смотрит ни на кого, она при росте 1,55 заметна и видна даже через бетонную стену.

Она, она, она...

Без слов понятно, эта женщина — фаворитка, прима, магма в обличье человеческой самки, змея, сползающая со склона горы...

Она — чудовище.

Когда она проходит мимо — вихрится невидимый воздух, и хочется сделать шаг назад и встать под защиту стены...

Пес задумался, пожевал губами, вспомнил, что он — лабрадор и негоже ему пугаться человеческих самок, и стал набирать текст, стуча когтями с такой скоростью, что разбудил своего Слепого Поводыря. Увернувшись от ботинка, летящего к его умной голове, пес взвыл и на время прекратил писать романы, а потом снова начал:

«В следующей жизни я закажу себе большие белые зубы, вот такую грудь, задницу с эмалированный таз и смех, как у героини фильма “Когда деревья были большие”. Я буду такая, таа-акая, в следующей жизни, закачаешься!»

Альбина еще раз взглянула на себя в зеркало — там стояла и кривлялась какая-то голая обезьяна.

— Это не я! — Альбина тряхнула короткой черной стрижкой и выгнулась, красиво выпятив грудь.

— Другое дело!

Из зеркала смотрела хрупкая тридцатилетняя женщина с мальчиковой фигурой и тайной в глазах.

— Это — я.